

М.М. ЗОЩЕНКО

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-88

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление *А.В. Фереца, Е.Д. Фереца*

Компьютерный дизайн *Е.Д. Фереца*

Зошенко, Михаил Михайлович.

3-88 Не может быть : [сборник] / Михаил Михайлович Зошенко. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 320 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-145409-8

Порой невероятные, порой по-своему трогательные и неизменно гомерически смешные приключения обитателей и обитательниц послереволюционной России, в которой наконец-то в свои права вступила мирная повседневная жизнь, с ее радостями и горестями, заботами и хлопотами...

Когда-то персонажей этих рассказов, комедий и фельетонов злобно клеймили «мещанами» и «обывателями». Но все меняется, и теперь эти суетливые и забавные «маленькие люди», которые, в сущности, хотят того же, чего люди хотели во все времена, — счастья, комфорта и обеспеченного существования, нам гораздо понятнее, ближе и роднее, чем их ненавистники и хулители. И наш смех над их злоключениями — смех добродушный и доброжелательный.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-145409-8

© М.М. Зошенко, наследники, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2025

РАССКАЗЫ

Именинница

До деревни Горки было всего, я полагаю, версты три. Однако пешком идти я не рискнул. Весенняя грязь буквально доходила до колена.

Возле самой станции, у кооператива, стояла крестьянская подвода. Немолодой мужик в зимней шапке возился около лошади.

— А что, дядя, — спросил я, — не подвезешь ли меня до Горок?

— Подвезти можно, — сказал мужик, — только даром мне нет расчета тебя подвозить. Рублишко надо мне с тебя взять, милый человек. Дюже дорога трудная.

Я сел в телегу, и мы тронулись.

Дорога действительно была аховая. Казалось, дорога была специально устроена с тем тонким расчетом, чтобы вся весенняя дрянь со всех окрестных полей стекала именно сюда. Жидкая грязь покрывала почти полное колесо.

— Грязь-то какая, — сказал я.

— Воды, конечно, много, — равнодушно ответил мужик.

Он сидел на передке, свесив вниз ноги, и непрестанно цокал на лошадь языком.

Между прочим, цокал он языком абсолютно всю дорогу. И только когда переставал цокать хоть на минуту, лошадь поводила назад ушами и добродушно останавливалась.

Мы отъехали шагов сто, как вдруг позади нас, у кооператива, раздался истошный бабий крик.

И какая-то баба в сером платке, сильно размахивая руками и ругаясь на чем свет стоит, торопливо шла за телегой, с трудом передвигая ноги в жидкой грязи.

— Ты что ж это, бродяга! — кричала баба, доходя в некоторых словах до полного визгу. — Ты кого же посадил-то, черт рваный? Обормот, горе твое луковое!

Мой мужик оглянулся назад и усмехнулся в бороденку.

— Ах, паразит-баба, — сказал он с улыбкой, — кроет-то как?

— А чего она? — спросил я.

— А пес ее знает, — сказал мужик, сморкаясь. — Не иначе как в телегу ладит. Неохота ей, должно статься, по грязи хлюпать.

— Так пушай сядет, — сказал я.

— Троих не можно увезти, — ответил мужик, — дюже дорога трудная.

Баба, подобрав юбки до живота, нажимала все быстрее, однако по такой грязи догнать нас было трудновато.

— А ты что, с ней уговорился, что ли? — спросил я.

— Зачем уговорился? — ответил мужик. — Жена это мне. Что мне с ней зря уговариваться?

— Да что ты?! Жена? — удивился я. — Зачем же ты ее взял-то?

— Да увязалась баба. Именинница она, видишь, у меня сегодня. За покупками мы выехали. В кооператив...

Мне, городскому человеку, ужасно как стало неловко ехать в телеге, тем более что именинница крыла теперь все громче и громче и меня, и моих родных, и своего полупочтенного супруга.

Я подал мужику рубль, спрыгнул с телеги и сказал:

— Пушай баба сядет. Я пройдуся.

Мужик взял рубль и, не снимая с головы шапки, засунул его куда-то под волоса.

Однако свою именинницу он не стал ждать. Он снова зацокал языком и двинул дальше.

Я мужественно шагал рядом, держась за телегу рукой, потом спросил:

— Ну, что ж не сажаешь-то?

Мужик тяжело вздохнул:

— Дорога дюже тяжелая. Не можно сажать сейчас... Да ничего ей, бабе-то. Она у меня — дьявол, двужильная.

Я снова на ходу влез в телегу и доехал до самой деревни, стараясь теперь не глядеть ни на моего извозчика, ни на именинницу.

Мужик угрюмо молчал.

И только когда мы подъехали к дому, мужик сказал:

— Дорога дюже тяжелая, вот что я скажу. За такую дорогу тройк брать надо.

Пока я рассчитывался с извозчиком и расспрашивал, где бы мне найти председателя, —

подошла именинница. Пот катил с нее градом. Она одернула свои юбки, не глядя на мужа, просто сказала:

— Выгрузать, что ли?

— Конечно, выгрузать, — сказал мужик. — Не до лету лежать товару.

Баба подошла к телеге и стала выгружать покупки, унося их в дом.

1926

Папаша

Недавно Володьке Гусеву припаяли на суде. Его признали отцом младенца с обязательным отчислением третьей части жалованья. Горе молодого счастливого отца не поддается описанию. Очень он грустит по этому поводу.

«Мне, — говорит, — на младенцев завсегда противно было глядеть. Ножками дрыгают, орут, чихают. Толстовку тоже очень просто могут запачкать. Прямо житья нет от этих младенцев.

А тут еще этакой мелкоте деньги отваливай.

Третью часть жалованья ему подавай. Так вот — здорово живешь. Да от этого прямо можно захворать. Я народному судье так и сказал:

— Смешно, — говорю, — народный судья. Прямо, — говорю, — смешно, какие ненормальности. Этакая, — говорю, — мелкая крошка, а ему третью часть. Да на что, — говорю, — ему третья часть? Младенец, — говорю, — не пьет, не курит и в карты не играет, а ему выкладывай еже-

месячно. Это, — говорю, — захворать можно от таких ненормальностей.

А судья говорит:

— А вы как насчет младенца? Признаете себя ай нет?

Я говорю:

— Странные ваши слова, народный судья. Прямо, — говорю, — до чего обидные слова. Я, — говорю, — захворать могу от таких слов. Натурально, — говорю, — это не мой младенец. А только, — говорю, — я знаю, чьи это интриги. Это, — говорю, — Маруська Коврова насчет моих денег расстраивается. А я, — говорю, — сам тридцать два рубля получаю. Десять семьдесят пять отдай, — что ж это будет? Я, — говорю, — значит, в рваных портках ходи. А тут, — говорю, — параллельно с этим Маруська рояли будет покупать и батистовые подвязки на мои деньги. Тьфу, говорю, провались, какие неприятности!

А судья говорит:

— Может, и ваш. Вы, — говорит, — припомните.

Я говорю:

— Мне припоминать нечего. Я, — говорю, — от этих припоминаний захворать могу... А насчет Маруськи — была раз на квартиру пришедши. И на трамвае, — говорю, — раз ездили. Я платил. А только, — говорю, — не могу я за это всю жизнь ежемесячно вносить. Не просите...

Судья говорит:

— Раз вы сомневаетесь насчет младенца, то мы сейчас его осмотрим и пушай увидим, какие у него наличные признаки.

А Маруська тут же рядом стоит и младенца своего разворачивает.

Судья посмотрел на младенца и говорит:

— Носик форменно на вас похож.

Я говорю:

— Я, — говорю, — извиняюсь, от носика не отказываюсь. Носик действительно на меня похож! За носик, — говорю, — я всегда способен три рубля или три с полтиной вносить. А зато, — говорю, — остатний организм весь не мой. Я, — говорю, — жгучий брюнет, а тут, — говорю, — извиняюсь, как дверь белое. За такое белое — рупь или два с полтиной могу только вносить. На что, — говорю, — больше, раз оно в союзе даже не состоит.

Судья говорит:

— Сходство действительно растяжимое. Хотя, — говорю, — носик весь в папашу.

Я говорю:

— Носик не основание. Носик, — говорю, — будто бы и мой, да дырочки в носике будто бы и не мои — махонькие очень дырочки. За такие, — говорю, — дырочки не могу больше рубля вносить. Разрешите, — говорю, — народный судья, идти и не задерживаться.

А судья говорит:

— Погоди маленько. Сейчас приговор вынесем.

И выносят — третью часть с меня жалованья.

Я говорю:

— Тьфу на всех. От таких, — говорю, — дел захворать можно».

1926

Дрова

*И не раз и не два вспоминаю
святые слова — дрова.*

А. Блок

Это подлинное происшествие случилось на Рождестве. Газеты мелким шрифтом в отделе происшествий отметили, что случилось это там-то и тогда-то.

А я — человек любопытный. Я не удовлетворился сухими газетными строчками.

Я побежал по адресу, нашел виновника происшествия, втерся к нему в доверие и попросил подробнее осветить всю эту историю.

За бутылкой пива эта вся история была освещена.

Читатель — существо недоверчивое. Подумает: до чего складно врет человек.

А я не вру, читатель. Я и сейчас могу, читатель, посмотреть в ясные твои очи и сказать: «Не вру». И вообще я никогда не вру и писать стараюсь без выдумки. Фантазией я не отличаюсь. И не люблю поэтому растрачивать драгоценные свои жизненные соки на какую-то несуществующую выдумку. Я знаю, дорогой читатель, что жизнь много важнее литературы.

Итак, извольте слушать почти святочный рассказ.

«Дрова, — сказал мой собеседник, — дело драгоценное. Особенно когда снег выпадет да

морозец ударит, так лучше дров ничего на свете не сыскать.

Дрова даже можно на именины дарить.

Лизавете Игнатьевне, золовке моей, я в день рождения подарил вязанку дров. А Петр Семеныч, супруг ейный, человек горячий и вспыльчивый, в конце вечеринки ударил меня, сукин сын, поленом по голове.

— Это, — говорит, — не девятнадцатый год, чтобы дрова преподнестъ.

Но, несмотря на это, мнения своего насчет дров я не изменил. Дрова — дело драгоценное и святое.

И даже когда проходишь по улице мимо, скажем, забора, а мороз пощипывает, то невольно похлопываешь по деревянному забору.

А вор на дрова идет специальный. Карманник против него — мелкая социальная плотва.

Дровяной вор — человек отчаянный. И враз его никогда на учет не возьмешь.

А поймали мы вора случайно.

Дрова были во дворе складены. И стали те общественные дрова пропадать. Каждый день три-четыре полена недочет. А с четвертого номера Серега Пестриков наиболее колбасится.

— Караулить, — говорит, — братишки, требуется. Иначе, — говорит, — никаким каком вора не возьмешь.

Согласился народ. Стали караулить. Караулим по очереди, а дрова пропадают.

И проходит месяц. И заявляется ко мне племянник мой, Мишка Власов.

— Я, — говорит, — дядя, как вам известно, состою в союзе химиков. И могу вам на родственных началах по пустяковой цене динамитный патрон всучить. А вы, — говорит, — заложите патрон в полено и ждите. Мы, — говорит, — петро- заводские, у себя в доме завсегда так делаем, и воры оттого пугаются и красть остерегаются. Средство, — говорит, — богатое.

— Неси, — говорю, — курицын сын. Сегодня заложим.

Приносит.

Выдолбил я лодочку в полене, заложил патрон. Замуровал. И небрежно кинул полешко на дрова. И жду: что будет.

Вечером произошел в доме взрыв.

Народ смертельно испугался — думает черт знает что, а я-то знаю и племянник Мишка знает, в чем тут запятая. А запятая — патрон взорвался в четвертом номере, в печке у Сереги Пестрикова.

Ничего я на это Сереге Пестрикову не сказал, только с грустью посмотрел на его подлое лицо, и на расстроенную квартиру, и на груды кирпича вместо печи, и на сломанные двери — и молча вышел.

Жертв была одна. Серегин жилец — инвалид Гусев — помер с испугу. Его кирпичом по балде звездануло.

А сам Серега Пестриков и его преподобная мамаша и сейчас живут на развалинах. И всей семейкой с нового году предстанут перед судом за кражу и дров пропажу.

И только одно обидно и досадно, что теперича Мишка Власов приписывает, сукин сын, себе все лавры.

Но я на суде скажу, какие же, скажу, его лавры, если я и полено долбил, и патрон закладывал?

Пушай суд распределит лавры».

1926

Воры

Что-то, граждане, воров нынче развелось. Кругом прут без разбора.

Человека сейчас прямо не найти, у которого ничего не сперли.

У меня вот тоже недавно чемоданчик унесли, не доезжая Жмеринки.

И чего, например, с этим социальным бедствием делать? Руки, что ли, ворам отрывать?

Вот, говорят, в Финляндии в прежнее время ворах руки отрезали. Проворуетса, скажем, какой-нибудь ихний финский товарищ, сейчас ему чик, и ходи, сукин сын, без руки.

Зато и люди там пошли положительные. Там, говорят, квартиры можно даже не закрывать. А если, например, на улице гражданин бумажник обронит, так и бумажника не возьмут. А положат на видную тумбу, и пушай он лежит до скончания века... Вот дураки-то!

Ну, деньги-то из бумажника, небось, возьмут. Это уж не может того быть, чтоб не взяли.

Тут не только руки отрезай, тут головы начисто оттяпывай — и то, пожалуй, не поможет. Ну да деньги — дело наживное. Бумажник остался, и то мерси.

Вот у меня, не доезжая Жмеринки, чемоданчик свистнули, так действительно начисто. Со всеми потрохами. Ручки от чемодана — и той не оставили. Мочалка была в чемодане — пятачок ей цена — и мочалку. Ну на что им, чертям, мочалка?! Бросят же, подлецы. Так нет. Так с мочалкой и сперли.

А главное, присаживается ко мне вечером в поезде какой-то гражданин.

— Вы, — говорит, — будьте добры, осторожней тут ездите. Тут, — говорит, — воры очень отчаянные. Кидаются прямо на пассажиров.

— Это, — говорю, — меня не пугает. Я, — говорю, — завсегда ухом на чемодан ложусь. Услышу.

Он говорит:

— Дело не в ухе. Тут, — говорит, — такие ловкачи — сапоги у людей снимают. Не то что ухо.

— Сапоги, — говорю, — опять же у меня русские, с длинным голенищем — не снимут.

— Ну, — говорит, — вас к черту. Мое дело — предупредить. А вы там как хотите.

На этом я и задремал.

Вдруг, не доезжая Жмеринки, кто-то в темноте как дернет меня за ногу. Чуть, ей-богу, не оторвал... Я как вскочу, как хлопну вора по плечу. Он как сиганет в сторону. Я за ним с верхней полки. А бежать не могу.